

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

В.Н. Шацев

«ТРИ РАССКАЗА» А.П. ЧЕХОВА И ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ЧЕСТВОВАНИЯ БЕЛИНСКОГО

Некогда самостоятельные, но тематически близкие произведения: «В бане» (1885), «Оратор» (1886), «Неосторожность» (1887) – в 1898 г. объединенные в единый опус (трилогию) были предложены Чеховым для сборника «Памяти В.Г. Белинского», опубликованного в марте 1899 г.¹ «Посылаю для Сборника в память Белинского три рассказа. Если найдете их подходящими, то благоволите напечатать их под общим заглавием “Три рассказа” или “Мелочи” и в таком порядке: 1) Оратор, 2) Неосторожность и 3) В бане. Не откажите прислать корректуру, по возможности до 10-ого августа; очень меня обяжете», – писал Чехов П.А. Ефремову 24 июня 1898 г.²

Эти миниатюры – об иронии судьбы: надгробная речь по ошибке посвящается здравствующему человеку; вместо водки в рюмке, жадно выпитой впотьмах и впопыхах, оказывается керосин; подозреваемый в опасном вольнодумстве на самом деле – уважаемый священнослужитель. Рассказы образуют насыщенную сатирическим презрением трилогию о пустоголовых верноподданных простаках и пошляках.

Но, кроме вышеизложенного и лежащего на поверхности, открываются и другие обстоятельства, если начать рассматривать «Три рассказа» не отдельно, а в контексте солиднейшего юбилейного издания. Здесь, за несколько страниц до чеховского триптиха, публикуются «Материалы для

биографии Белинского», среди них «Записки и письмо Белинского к А.П. Ефремову³» и «Письма Белинского к жене, 1846 г.». Главное в письме к Ефремову, отправленном из Петербурга 23 августа 1840 г., – оплакивание смерти Станкевича. Это письмо сближается по своей тональности с многочисленными адресами и приветствиями от обществ распространения народной грамотности, драматических кружков, от жителей станции Ртищево, от общества пензенских врачей и т.п. – адресованных редакции Сборника, который посвящен 50-летию смерти Белинского, «одного из великих сынов России»⁴. Тексты от почитателей, выдержанные в духе некраповской гражданственности, определяют и невероятно серьезный, вплоть даже до некоторой неосознаваемо пародийной мрачноватости, настрой всей более чем 600-страничной книги, в которую включены научные, эпистолярные и художественные тексты шестидесяти четырех авторов.

Сборник состоит из предисловия и двух отделов, в первом из которых представлены тексты речей Н.И. Стороженко, И.И. Иванова, В.Е. Якушкина, А.Н. Веселовского, Г.А. Джаншиева, В.П. Острогорского, Н.К. Михайловского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, М.М. Филиппова, А.Н. Пыпина⁵, а также «Материалы для биографии Белинского».

На этом сурово-торжественном академическом фоне удивительным диссонансом звучат помещенные почти в самом начале второго отдела легкомысленные «Три рассказа».

В первом из них («Оратор») на похороны «коллежского ассессора Вавилонова, умершего от двух болезней, столь распространенных в нашем отечестве: от злой жены и алкоголизма» (V, 431) приглашен за выпивку и скромный гонорар популярный молодой оратор Запойкин – «сказать на прощание какую-нибудь чепуховину <...> поцицеронистей» (V, 431). Пьяный Запойкин, не разобравшись, кто лежит в гробу, произносит скорбный монолог об усопшем Прокофии Осиповиче, в то время как Прокофий Осипович, вполне даже здравствующий, присутствует тут же, на кладби-

ще: «...наподобие неумолимой пчелы, носил свой мед в общий улей государственного благоустройства, тот, который... этот самый обратился теперь в прах, в вещественный мираж. Неумолимая смерть наложила на него коснеющую руку... <...> Незаменимая потеря!» (V, 431). Шутовская псевдо-скорбь Запойкина по усопшему заставляет вспомнить слова Белинского о Станкевиче, «божественной личности»⁶: «Мысль о том, что все живет одно мгновение, что после самого Наполеона осталось только несколько костей <...> Смерть, смерть! Вот истинный Бог мира!»⁷. Кости, прах, в которые превращается каждый, всемогущество смерти — эта гамлетовская («Poor Yorick!») риторика, вполне возможная в любом надгробном словотворчестве, здесь, в контексте сборника, звучит серьезно по отношению к Станкевичу и вызывает в памяти то многое, что сказано в панегирических эссе о Белинском, но также вдруг обнаруживает свое отражение в комическом зеркале «осколочного» Чехова.

Второй текст в триптихе — «Неосторожность», «рассказ о чиновнике, который по ошибке вместо водки выпил керосину» (II VII, 193)⁸. В письме к сестре Чехов точно ошибся в названии рассказа⁹, а Л.Н. Толстой, который, по свидетельству его дочери Т.Л. Толстой, считал эту «мелочишку» лучшей из всех трех помещенных в сборнике «Памяти Белинского», называл ее «Керосин»¹⁰. В предназначенной для мемориального Сборника трилогии рассказ этот, при всей его внешней незамысловатости, является центральным и хотя бы потому значительным. Значение его в том, что «Неосторожность»/«Ошибка»/«Керосин» повествует о сокрушительной неожиданности: «...произошло нечто вроде чуда. <...> Ему показалось, что вместо водки он проглотил кусок динамита, который взорвал его тело, дом, весь переулок... Голова, руки, ноги — все оторвалось и полетело куда-то к черту, в пространство...» (VI, 64). В некотором смысле чудесной неожиданностью в сборнике предстает и коллекция миниатюр «Три рассказа», которые определенно являются чужеродным взрывным материалом по от-

ношению ко всему корпусу печальных и торжественных текстов, составляющих сборник.

Третий рассказ «В бане» – о том, как цирюльник Михайло заподозрил в одном из мужчин, хлещущих себя веником в парилке, социального радикала, с «идеями». Подозреваемый, который, по мнению Михайлы, опасными речами «народ смущает», оказывается почтенным служителем церкви. Но сатира на глупенького доносчика оказывается не единственным смыслом рассказа, если рассмотреть его в связи с фигурой Белинского в контексте сборника его памяти.

Критик предстает в статьях сборника как «бедняк, зарабатывающий свой хлеб журнальной работой»¹¹, как писатель и редактор, который «получал очень мало, сильно нуждался в средствах даже для самого необходимого»¹². Эта репутация находит свою параллель в рассказе Чехова: «Беден, да честен! – донесся с верхней полки хриплый бас. – Такими людьми гордиться нужно. Образованность, соединенная с бедностью, свидетельствует о высоких качествах души. Невежа!» (III, 180).

Как и все части «Трех рассказов», гневные реплики голого дьякона приобретают какое-то особенное – пародирующее – значение после пафосных характеристик, данных Белинскому в статьях прославленных профессоров и литературных критиков.

«...Наша критика должна быть *учителем общества* и на простом языке высказывать высокие истины»¹³. «Исчезли давно все те, которых Белинский считал тормозами нашего общественного развития и которые своими нападками и преследованиями отравили его недолгую жизнь. Но, забывая по-христиански все содеянное ими, мы не должны забывать, что тем подъемом *общественного* сознания, той массой света и тепла, которые пролились с тех пор на *русскую землю*, мы обязаны, главным образом, людям сороковых годов и стоявшему во главе их Белинскому»¹⁴. «Вы видите, какая сравнительно сложная задача – понять настоящую цену *просвети-*

тельной работы писателя <... > связи всех живых сил русского народа с Белинским»¹⁵. Этот почтительный восторг перед просвещением и обличение невежества отзываются в следующем диалоге, происходящем в парилке:

«Писатели были в России многие и пользу принесшие. Они просветили землю, и за это самое мы должны относиться к ним не с поруганием, а с честью. Говорю я о писателях как светских, так равно и духовных.

– Духовные особы не станут такими делами заниматься.

– Тебе, невеже, не понять. Димитрий Ростовский, Иннокентий Херсонский, Филарет Московский и прочие другие святители церкви своими творениями достаточно способствовали просвещению» (III, 181).

Наличие отцов церкви в списке просветителей неожиданно перекликается с некоторыми мотивами мемориального сборника, где врагов, «тормозящих просвещение», предлагается простить по-христиански. Первая из трех фототипий, та, что на титульном листе, сделана с рисунка И.А. Астафьева «Белинский в гробу»: профиль покойного стилизован под традиционные изображения лика Христа, а лавровый венок, обрамляющий голову, напоминает терновый венец.

Особенно интересна третья фототипия с портрета О.М. Языковой (С. 157), помещенная всего за четыре страницы до «Трех рассказов». Она изображает великого критика именно так, как у Чехонте описан отец дьякон: «Длинноволосый <... > Худенький такой, белобрысенький... Борода чуть-чуть... Всё кашляет» (III, 181–182). Фототипия, разумеется, не передаст хронический кашель, «не грудной и не желудочный, а происходит от расстройства всего организма, преимущественно же нервной системы»¹⁶. О нем, о кашле, в письмах Белинского к жене на 27-ми страницах есть 12 упоминаний. Болезнь, погубившая Белинского, конечно, была известна Чехову, который не мог не отдавать себе отчета в портретном сходстве собственного персонажа с великим критиком.

Рассказ, выбранный Чеховым для сборника, в новом контексте обретает новый смысл. Удивительным образом тень Белинского как будто нисходит с литературного Олимпа в провинциальную баню и ложится на верхнюю полку парилки, откуда уже в образе дьякона хрипло и страстно критикует невежество. В виднеющемся сквозь волны пара дьяконе, который обмахивается веником, а затем наливает себе в банную шайку воды, узнается воитель за просвещение, страшный в гневе неистовый Виссарион, торжествующий над скудоумным врагом.

«Отец дьякон! – обратился к нему Михайло плачущим голосом. – Простите меня, Христа ради, окаянного!

– За что такое?

Михайло глубоко вздохнул и поклонился дьякону в ноги.

– За то, что я подумал, что у вас в голове есть идеи!» (III, 182).

Этому финальному во всем триптихе диалогу предшествуют рассуждения о Белинском, который в письме к Боткину признавался, что социальная идея стала для него «идеей идей»¹⁷, который, по словам И.И. Иванова, генерировал «идеи совершенно бесспорные»¹⁸ и повлиял на содержание учебников, «основанных на его литературных идеях»¹⁹.

Каждый из персонажей «Трех рассказов» – будь то до безобразия красноречивый и знаменитый в своем городе оратор Запойкин или хлебнувший керосина добродетелями обремененный Стрижин, не умерший только оттого что, по его словам, вел «правильную и регулярную жизнь» (VI, 68), или бдительный ловец инакомыслящих в бане «цирюльник-с» Михайло – мог бы быть охарактеризован мнением Белинского о его тесте: «Почтенный человек! Вот истинный-то представитель отсутствия добра и зла, олицетворенная пустота!»²⁰.

Выбирая рассказы для мемориального сборника, Чехов не мог заранее познакомиться с другими включенными в него текстами. И все же «странные сближения», которых даже значительно больше, чем перечис-

лено выше, объяснимы не отнюдь случайностью, а другим обстоятельством.

Лично знакомый Чехову бывший редактор «Северного вестника» Б.Б. Глинский выпустил в свет обзорный труд «Виссарион Григорьевич Белинский и чествование его памяти, с пятью иллюстрациями и приложением его юношеского “Журнала поездки в Москву и пребывания в оной”» (СПб: Типография А.С. Суворина, 1898). Эта книга описывает посвященные Белинскому общественные чествования в столицах и провинции: возложение венков на постамент его бюста, заседания, театральные представления и (как это было, например, в Пензе) обеды с предложением почтить вставанием «память отсутствующего Афитриона и виновника торжества»²¹ с тостами за Государя Императора, за августейшего покровителя местного Лермонтовского общества великого князя Константина Константиновича и других, уже местных, меценатов и общественников («Гост в честь городского головы был покрыт громкими и продолжительными рукоплесканиями»²²). Очерки Б.Б. Глинского насыщены его собственными восторженными оценками и пересказами многочисленных статей и докладов, произнесенных как раз упомянутыми и цитированными выше Н.И. Стороженко, И.И. Ивановым, В.Е. Якушкиным, А.Н. Веселовским, Г.А. Джаншиевым, В.П. Острогорским, Н.К. Михайловским, Д.Н. Овсяннико-Куликовским, М.М. Филипповым, А.Н. Пыпиным и многими другими. Здесь «славный покойник»²³, «светоч, зажженный рукою творца в сумерках человеческой жизни!..»²⁴, «сам воздвигал себе несокрушимый памятник в летописях русской художественной мысли»²⁵; здесь не было предела в славословии «учителю правды, добра и красоты»²⁶, а интеллигенцию призывали быть достойной «памяти своего выдающегося *вождя и учителя*»²⁷ и т. д.

«Три рассказа» были отосланы П.А. Ефремову в июне 1898 г., в середине июля того же года выходит в свет обзорный труд Б.Б. Глинского, пафос и стилистика которого позволяют судить о той атмосфере, которую

Чехов должен был неминуемо почувствовать, возвратившись из Франции. В мае 1898 г. писатель попадает в обстановку всероссийских чествований Белинского, бурная подготовка к которым и освещение которых весной 1898-го велась во всех заметных литературно-общественных и политических периодических изданиях.

Таким образом, далекий от патетики Чехов мог легко представить себе общий тон сборника, издаваемого Ефремовым, и предложить свои «Три рассказа», вполне умышленно стремясь понизить градус мемориальной восторженности и высокопарности. Здесь можно было бы вспомнить заметку Пушкина о пародии «Англия есть отечество карикатуры»: «Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке: всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. <...> Сей род шуток требует редкой гибкости слога...»²⁸. Замечательное общероссийское помпезное мероприятие вызвало затаенную на него пародию Чехова. Недоверие Чехова к любым юбилейным торжествам и восторгам не связано с его отношением к Белинскому. Чехов оставил о нем и его трудах несколько беглых упоминаний, доброжелательную интонацию которых вряд ли могло поколебать даже раздраженное отношение к великому критику А.С. Суворина²⁹. Желание дистанцироваться от легко предугадываемой патетики большинства авторов сборника – вот что могло побудить Чехова предложить откровенно сатирические «Три рассказа» П.А. Ефремову. В этой связи уместно привести наблюдение современного исследователя: «Вопреки вере самого Чехова в науку, прогресс и факты, доброжелательное просветительство или научный интерес у его героев не бывает полностью позитивен. Человек, выступающий в любом из субжанров информативного сообщения, излагающий нужные, полезные или занимательные факты, – всегда оказывается по какой-то причине не безупречен»³⁰. Страстно преподнесенные полезные и занимательные факты, изложенные в довольно похожих друг на друга публицистических и поэтиче-

ских текстах памяти Белинского благодаря «Трем рассказам», введенным в сборник, оказываются не то чтобы небезупречными – скорее здесь возникает еще одно измерение, еще одна возможность: взглянуть на ораторов и стихотворцев немного иронично. Три чеховские рассказа – карикатурное зеркало торжественности, помпы, парадности с привкусом мертвечины, обожествления некогда бывшего не только величайшим («His name became the greatest Russian myth in the nineteenth century...»³¹), но все-таки еще и по-человечески слабым, ранимым, смешным, эгоистичным – всяким – Виссарионом Белинским. Публикация «Трех рассказов» в сборнике происходит в важный для жизни Чехова момент. Как 1888-ой с публикацией повести «Степь» стал для Чехова переломным годом, так и десять лет спустя, в период между «Чайкой», «Дядей Ваней», с одной стороны, и «Тремя сестрами», с другой, происходит новый творческий подъем, выход на иной, особенный, уровень миропонимания. «После восьми месяцев, проведенных во Франции, в возбуждении от дела Дрейфуса, Чехов вернулся на родину, и результатом этого нового возмужания, и гражданского, и художнического, стал “Человек в футляре”»³², написанный в мае-июне 1898 г.

Этот важный момент характеризуется еще и тем, что здесь по-своему сводятся счеты с критиком А.М. Скабичевским, который в давней рецензии на «Пестрые рассказы» не без некоторых на то оснований ядовито заметил про Антошу Чехонте, что тот «записался в цех газетных клоунов <...> увешавшись побрякушками шута»³³. Этот отзыв, в целом достаточно все же сочувственный, как известно, сильно и надолго обидел Чехова, который вполне мог предполагать, что его рассказы окажутся в сборнике «Памяти Белинского» под одной обложкой с текстом Скабичевского. Основания для такого предположения были: Скабичевский принимал активное участие в чествованиях «неистового Виссариона» и в майском номере читаемой Чеховым «Русской мысли» (1898) поместил статью с популярным в ту весну стандартным названием «Памяти Белинского». Здесь, как и

в прочих подобных статьях, биография великого критика излагалась в сопровождении цитат из Некрасова; сам же Белинский был представлен общественным светочем в ночи невежества: «Эта редкая великая нравственная сила влияла столь же неотразимо не на одних друзей Белинского: просвечивая в каждой строке горячих и увлекательных статей, она увлекала все русское общество, раздвигая перед ним широкие и далекие перспективы умственного и нравственного прогресса и призывала на смертельную борьбу с мраком невежества и зверства»³⁴.

Однако Скабичевский не опубликовался в ефремовском сборнике, и тем не менее встреча Чехова с обличителями «шутовской» юмористики состоялась. Вот что совершенно в духе Скабичевского писал публицист Л.З. Слонимский: «Господство формы над содержанием, доведенное до крайности, создает особый тип писателей, у которых нет ничего за душой, кроме бойкого пера, свободно гуляющего по бумаге. Поворотливый острый язык действует без всякого контроля; он не нуждается ни в знаниях, ни в логике, ни в здравом смысле и подчиняется исключительно стремлению к дешевым внешним эффектам. Такие писатели могут легко приобрести популярность; но эта популярность остается столь же мимолетною, как и те остроты и словечки, на которых она держится.

Ежедневная печать предъявляет постоянный спрос на людей, умеющих лучше и живее писать, чем думать. Завлекая в свой круговорот молодые умы и таланты, она перерабатывает их в известном духе, разменивает на мелочи их творческую силу и постепенно обрекает их на бесплодие. Кто раз попал в газетную журналистику и увлекся ее соблазнами, тот редко уже сохраняет способность к самостоятельной умственной работе; он незаметно делается жертвою писательства, в котором слово предшествует мысли»³⁵.

Это суждение основательно, но не безусловно. Ведь «осколочные» «Три рассказа», Чеховым подобранные для сборника в честь Белинского,

обнаруживают глубокие и подчас причудливые связи. Это связи зрелого писателя с литературной и общественной средой его времени, оглядывающейся на собственное культурно-историческое наследие.

¹ Памяти В.Г. Белинского: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. С 3 фототипиями / Изд. Пензенской общественной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. М., 1899.

² Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1979. Т. 7. С. 227. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома и страницы. Перед номером тома, относящимся к серии писем, ставится литера «П».

³ А.П. Ефремов – друг Белинского, Станкевича и Грановского, отец П.А. Ефремова, редактора сборника «Памяти В.Г. Белинского».

⁴ Памяти В.Г. Белинского. С. XXXIX.

⁵ Речи были произнесены 8 апреля 1898 г. на посвященном памяти Белинского торжественном собрании Общества любителей российской словесности.

⁶ Памяти В.Г. Белинского. С. 116.

⁷ Там же.

⁸ Из письма к М.П. Чеховой от 28 марта (9 апреля) 1898 г. из Ниццы.

⁹ «У меня в столе справа, в среднем ящике есть вырезка из “Осколков”, рассказ “Ошибка” (кажется)» (Там же).

¹⁰ См.: П: VI, 636 (примеч. В.Б. Катаева).

¹¹ *Стороженко Н.И.* Памяти Белинского // Памяти В.Г. Белинского. С. 1.

¹² *Якушкин В.Е.* Белинский, его друзья и враги // Памяти В.Г. Белинского. С. 35.

¹³ *Стороженко Н.И.* Указ. соч. С. 2 (курсив мой – В.Ш.).

¹⁴ Там же. С. 7 (курсив мой – В.Ш.).

¹⁵ *Иванов И.И.* Белинский как русский культурно-исторический тип // Памяти В.Г. Белинского. С. 10–11 (курсив мой – В.Ш.).

¹⁶ Письма Белинского к жене. 1846 // Памяти В.Г. Белинского. С. 138.

¹⁷ Цит. по: *Стороженко Н.И.* Указ. соч. С. 2.

¹⁸ *Иванов И.И.* Указ. соч. С. 9–10.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Письма Белинского к жене. 1846. С. 121.

²¹ *Глинский Б.Б.* Виссарион Григорьевич Белинский и чествование его памяти, с пятью иллюстрациями и приложением его юношеского «Журнала поездки в Москву и пребывания в оной». СПб., 1898. С. 74.

²² Там же. С. 89.

²³ Там же. С. 80.

²⁴ Там же. С. 81.

²⁵ Там же. С. 98.

²⁶ Там же. С. 103.

²⁷ Там же. С. 106 (курсив мой – В. Ш.).

²⁸ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 11. С. 118.

²⁹ *Суворин А.С.* «Горе от ума» и его критики // «Горе от ума», комедия в четырех действиях А.С. Грибоедова. СПб., 1886. С. XXXV, XLV, LI.

³⁰ *Степанов А. Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 86–87.

³¹ *Berlin I.* Vissarion Belinsky // Russian Thinkers. London, 1994. P. 152.

³² Катаев В.Б. Чехов плюс... М., 2004. С. 45.

³³ Скабичевский А.М. Новые книги. Пестрые рассказы. А. Чехонте // Ле Флеминг С. Господа критики и господин Чехов. СПб., 2006. С. 503.

³⁴ Скабичевский А.М. Памяти Белинского // Русская мысль. 1898. № 5. С. 11.

³⁵ Слонимский Л.З. Профессия писателя // Памяти Белинского. С. 393–394.